

ГИБРИДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КУРДСКАЯ АВТОНОМИЯ В ИРАКЕ (2004–2005) В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ

© 2025

М. С. Озмаян¹

Статья посвящена анализу участия иракских курдов в политическом процессе Ирака в 2004–2005 годах в условиях оккупации страны иностранными войсками. Автор исследует, как курдские лидеры, используя административный опыт, военную мощь («Пешмерга») и стратегическое партнёрство с США, добились значительных политических уступок, включая признание федеративного статуса Иракского Курдистана. Особое внимание уделяется концепции «гибридного суверенитета», которая отражает противоречия между формальной интеграцией в состав Ирака и фактической автономией курдского региона. В статье также рассматриваются внутренние расколы между Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана, роль внешних акторов (США, Турция, Иран) и влияние конституционных компромиссов 2005 года на последующие кризисы, включая референдум о независимости 2017 года. На основе сравнительного анализа с другими автономиями (Сирийский Курдистан, Косово) делаются выводы о факторах устойчивости и ограничениях курдской автономии.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, федерализм, гибридный суверенитет, оккупация, ДПК, ПСК, Пешмерга, конституция Ирака, внешние акторы, автономия

Для цитирования: Озмаян М. С. Гибридный суверенитет: курдская автономия в Ираке (2004–2005) в условиях оккупации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 182–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-182-193

HYBRID SOVEREIGNTY: KURDISH AUTONOMY IN IRAQ (2004-2005) UNDER OCCUPATION

Midiya S. Ozmanian

The article analyses the participation of Iraqi Kurds in the political process of Iraq in 2004-2005 under the occupation of the country by foreign troops. The author examines how Kurdish leaders, using administrative experience, military power (Peshmerga) and strategic partnership with the United States, achieved significant political concessions, including the recognition of the federal status of Iraqi Kurdistan. Particular attention is paid to the concept of “hybrid sovereignty”, which reflects the contradictions between formal integration into Iraq and the de facto autonomy of the Kurdish region. The article also examines the internal splits between the Kurdistan Democratic Party and the Patriotic Union of Kurdistan, the role of external actors (US, Turkey, Iran) and the impact of the 2005 constitutional compromises on subsequent crises, including the 2017 independence referendum. Based

¹ Озмаян Мидия Саидовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mid67674@gmail.com

Midiya S. Ozmanian, Junior Research, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mid67674@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9761-4663

on a comparative analysis with other autonomies (Syrian Kurdistan, Kosovo), conclusions are drawn about the factors of sustainability and limitations of Kurdish autonomy.

Keywords: Iraqi Kurdistan, federalism, hybrid sovereignty, occupation, PDK, PUK, Peshmerga, Iraqi constitution, external actors, autonomy

For citation: Ozmanian M. S. Hybrid Sovereignty: Kurdish Autonomy in Iraq (2004 – 2005) Under Occupation. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2025. No. 3. Pp. 182–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-182-193

Свержение режима Саддама Хусейна в 2003 году в результате военной интервенции коалиции во главе с США стало переломным моментом в истории Ирака, приведшим к радикальной трансформации его политической системы. В условиях распада централизованного государства и формирования новой власти иракские курды, обладавшие опытом автономного управления с 1991 года, получили уникальную возможность закрепить свой особый статус на конституционном уровне. В 2004–2005 годах, используя накопленный административный опыт, военную мощь («Пешмерга») и стратегическое партнёрство с США, курдские лидеры добились беспрецедентных политических уступок, включая признание федеративного статуса Иракского Курдистана.

Актуальность исследования определяется тремя аспектами. Во-первых, практическая значимость заключается в том, что опыт Иракского Курдистана служит моделью этнополитического компромисса в постконфликтных обществах, где автономия балансирует между независимостью и интеграцией. Во-вторых, теоретическая новизна исследования связана с анализом взаимодействия внешних акторов (США, Турция) и локальных элит в рамках концепции «гибридного суверенитета» [Krasner, 1999, p. 9]. Этот термин описывает парадоксальную модель, при которой Курдский регион формально оставался частью Ирака, но де-факто обладал атрибутами государственности, такими как собственные вооруженные силы, правительство и международные связи. В-третьих, политическая преемственность проявляется в долгосрочном влиянии решений 2004–2005 гг. на последующие кризисы.

Учитывая эти аспекты, мы выдвигаем гипотезу, что курдские лидеры добились институционализации автономии в 2004–2005 гг., но столкнулись с дилеммой «гибридного суверенитета». Их достижения, зависевшие от внешней поддержки США, оказались уязвимыми перед давлением Багдада, региональных игроков и внутренних расколов. Кризис 2017 года, включая провал референдума о независимости и военное вмешательство иракского правительства, наглядно продемонстрировал пределы этой модели.

Исторический контекст курдского вопроса в Ираке

Курдское население Ирака, составлявшее около 20% (5,2 млн человек к 2003 году)², на протяжении XX века находилось в состоянии перманентного конфликта с центральной властью. Эта борьба прошла три ключевых этапа, определивших политическую динамику 2004–2005 годов.

Период репрессий (1968–1991). После прихода к власти партии Баас в 1968 году курдское население Ирака подвергалось систематической дискриминации, включая политику насильственной арабизации. Репрессии достигли апогея во время кампании «Анфаль» (1988), которую ряд международных организаций признали актом геноцида. Несмотря на формальное предоставление

² Central Intelligence Agency. Iraq. The World Factbook 2003. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (дата обращения: 01.06.2025).

автономии в 1970 году, реальное самоуправление курдов оставалось ограниченным из-за военного контроля Багдада [McDowall, 2004, pp. 320–328]. Кроме того, курдские регионы столкнулись с экономической блокадой, включавшей запрет на торговлю и конфискацию сельскохозяйственных ресурсов, что усугубляло их положение. Кульминацией репрессий стали массовые казни 1983 года, когда режим Саддама Хусейна уничтожил 8 000 членов клана Барзани³, что соответствовало стратегии «выжженной земли».

Формирование протогосударства (1991–2003). Принятие резолюции ООН № 688 (1991) создало правовую основу для установления «бесполетной зоны», что позволило курдам начать строительство автономных институтов⁴. К 2003 году «Пешмерга» насчитывала до 80 тыс. бойцов [Ahram & Williams, 2016, p. 45], но внутренние конфликты между ДПК и ПСК (1994–1998) подрывали стабильность региона.

Стратегическое партнёрство с США (2003). В ходе вторжения в Ирак курды стали ключевым союзником США. Это сотрудничество позволило курдам сохранить существовавшие с 1992 года автономные институты власти даже после создания Коалиционного временного управления (далее CPA — Coalition Provisional Authority). Особое значение имел Приказ CPA № 2 (2003)⁵, который де-факто легитимизировал курдские вооруженные формирования как единственную организованную военную силу в курдском регионе. Кульминацией этого процесса стало закрепление особого статуса курдов в Переходном административном законе Ирака (далее TAL — Transitional Administrative Law) от 8 марта 2004 года, который официально признавал Курдский автономный регион и закладывал основы федеративного устройства страны [O’Leary, 2009, p. 112]. Эти правовые акты создали беспрецедентные возможности для институционализации курдской автономии в постбаасистском Ираке.

К 2004–2005 годам курды обладали уникальным сочетанием факторов влияния. Политическая легитимность обеспечивалась их участием в структурах CPA. Военная мощь основывалась на отрядах «Пешмерга», которые оставались одной из наиболее боеспособных сил в стране. Институциональный опыт был накоплен с 1992 года благодаря функционированию местных органов власти. Этот комплекс преимуществ позволил им закрепиться в качестве самостоятельного политического субъекта в постсаддамовском Ираке.

Политическая ситуация в Ираке (2004–2005)

После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году Ирак столкнулся с глубоким системным кризисом, вызванным разрушением государственных институтов, оккупацией и этноконфессиональными противоречиями. Кризис проявился в трех ключевых аспектах. С одной стороны, эскалация межконфессионального насилия, особенно суннито-шиитского конфликта, усугубилась после распада баасистской системы. Параллельно резко возросла террористическая активность, включая действия «Аль-Каиды в Ираке», эксплуатировавшей недовольство суннитов. Наконец, важным фактором стало формирование мощных вооруженных группировок, таких как шиитская «Армия Махди» Муктады ас-Садра, созданная в 2003 году как ответ на оккупацию и суннитскую угрозу. К 2006 году эти процессы привели страну на грань полномасштабной гражданской войны.

³ Middle East Watch, The Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan: The Destruction of Koreme. New York: Human Rights Watch, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/Koreme.htm> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ United Nations Security Council. Resolution 688 (1991). 5 April 1991. S/RES/688. URL: [https://undocs.org/S/RES/688\(1991\)](https://undocs.org/S/RES/688(1991)) (дата обращения: 05.06.2025).

⁵ Coalition Provisional Authority. (2003, May 23). Order No. 2: Dissolution of Entities [PDF]. URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030523_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Политический вакуум 2003–2004 годов стал результатом не только падения режима Садда Хусейна, но и просчетов Коалиционной временной администрации (СВА). Два наиболее спорных решения СВА — роспуск иракской армии и радикальная дебаасификация — имели катастрофические последствия. Роспуск армии оставил без работы около 400 000 обученных военнослужащих, многие из которых присоединились к ополчениям или криминальным группировкам [Ricks, 2006, p. 158]. Дебаасификация лишила госаппарат 65% управленцев, парализовав работу государственных учреждений [UNHRC, 2004, E/CN.4/2005/4, para. 32]. Эти меры усугубили экономический коллапс: ВВП сократился на 40% в 2003–2004 годах [World Bank, 2005, p. 12], уровень безработицы среди бывших военных достиг 60%, а центральное правительство к середине 2004 года контролировало лишь 30% территории страны [Bremer, 2006, p. 54].

Несмотря на жесткий контроль со стороны США, политическая трансформация Ирака оказалась противоречивой. Сначала управление осуществлялось через СВА (2003–2004), затем — через зависимое от Вашингтона переходное правительство (с июня 2004 года). Конституционный процесс 2005 года формально закрепил федеративное устройство, но не устранил глубинных противоречий: суннитские группы бойкотировали процесс, а компромиссы по вопросам автономии Иракского Курдистана и контроля над ресурсами (например, ст. 140 о Киркуке) усилили временный характер.

Как отмечалось ранее, курды использовали свои ключевые преимущества — институциональный опыт, военную мощь «Пешмерга» и политическую легитимность — для укрепления позиций в переговорах с Багдадом. Ключевые требования курдских лидеров включали признание автономии как исторического права, а не временной уступки Багдада, контроль над нефтеносным Киркуком (статья 140 Конституции), сохранение «Пешмерга» и право вето на общеиракские решения. Эти условия стали возможны благодаря стратегическому партнерству с США, но одновременно вызывали опасения у региональных игроков, таких как Турция и Иран.

Инструментом реализации курдской политики стала «Декларация о принципах» (2004 г.) — первый правовой акт, закрепивший автономные институты власти (региональное правительство, парламент и силы безопасности). Документ ввел принцип добровольного вхождения Иракского Курдистана в состав единого государства, что фактически означало модель условного суверенитета.

Другим ключевым инструментом стало участие в политическом процессе. На выборах в Переходное национальное собрание (январь 2005 г.) курдский альянс (ДПК и ПСК), получив 53 места из 275 (19,3% голосов) в Учредительном собрании, занял позицию третьей силы после шиитских (140 мест) и бойкотировавших выборы суннитских блоков [O’Leary, 2009, p. 95]. Альянс получил возможность влиять на содержание конституции и вести переговоры о дополнительных гарантиях благодаря требованию 2/3 голосов для ее принятия.

После передачи власти от СВА временному правительству Ирака (28 июня 2004 г.) курдские лидеры сосредоточились на стратегической институционализации своего влияния. Это достигалось через два взаимодополняющих механизма:

Инфильтрация центральных органов власти. Ключевыми достижениями стало то, что Джаляль Талабани (лидер ПСК) вошел в Президентский совет, а в апреле 2005 года стал первым в истории курдом — президентом Ирака. Это обеспечило прямое участие в принятии общегосударственных решений и легитимизацию курдских требований на высшем уровне, а также контроль над стратегическими министерствами, где курдские представители возглавили Министерство финансов (распределение бюджета), МИД (внешние связи), силовые ведомства (влияние на безопасность). К примеру, назначение Хошиара Зибари (ДПК) министром иностранных дел позволило Курдистану устанавливать неформальные международные контакты.

Законодательное закрепление автономии. Переходный административный закон (ТАЛ, март 2004 г.) стал правовой основой для официального признания Курдистана федеративной единицей с сохранением автономных институтов⁶. Предоставлялось право вето на конституцию (статья 61(с)), сделавшее курдов обязательными партнерами в переговорах.

Гибкие формулировки Конституции Ирака стали для курдов инструментом расширения автономии [Constitution of Iraq, 2005]. В частности, статья 117 признает автономный статус Иракского Курдистана, но избегает четкого определения его границ, что создало правовую основу для территориальных претензий. Статья 140 предусмотрела временное урегулирование статуса Киркука через отложенный референдум, отсрочив решение спорного вопроса. Статья 112 гарантировала региону 17% нефтяных доходов Ирака, но ее интерпретация как права на самостоятельное заключение контрактов спровоцировала конфликт с Багдадом. Статья 4 закрепила курдский как второй государственный язык, усилив его роль в административной и образовательной сферах.

Намеренно расплывчатые положения основного закона Ирака допускают множественность интерпретаций ее в рамках концепции «гибридного суверенитета», где формальные уступки Багдада маскируют реальную автономию Курдистана. Конституционные компромиссы 2005 года могут обеспечить краткосрочные победы, но без четких механизмов реализации они ведут к долгосрочной нестабильности. Таким образом, правовые механизмы, использованные курдскими лидерами, привели к значительной трансформации политической системы Ирака. Используя институциональные и военные ресурсы, они согласились на формальный суверенитет Ирака, но обеспечили механизмы для фактической независимости (например, право на международные соглашения, ст. 117). В то же время конституция 2005 года не разрешила противоречия, а легализовала конфликт — спор о Киркуке перешёл в «замороженную» стадию (ст. 140), выгодную курдам.

Курдский регион создал прецедент «конституционного сепаратизма» — формально оставаясь в составе Ирака, он имел правовые основы для потенциальной независимости, что подтвердил кризис 2017 года (несостоявшийся референдум). Однако эта модель во многом зависела от позиции оккупационных стран, чья роль в процессе оказалась неоднозначной.

Роль оккупационных стран

В 2004–2005 годах администрация Джорджа Буша-младшего рассматривала иракских курдов как ключевого союзника в построении постсаддамовского Ирака, что определялось тремя факторами. Во-первых, курдский регион оставался единственным стабильным прозападным анклавом в Ираке, открытым к сотрудничеству с США. Контроль над северными границами ограничивал проникновение повстанцев. Во-вторых, 80 тыс. бойцов «Пешмерга» стали основной наемной силой в борьбе с Аль-Каидой. Курды обеспечивали логистику для операций коалиции на севере. В-третьих, уровень насилия в курдском регионе был на 90% ниже, чем в центральном Ираке [UNHCR, 2005, p. 7]. С 1992 года здесь существуют функционирующие автономные институты.

США проводили последовательную политику по укреплению курдской автономии, используя комплекс мер — от прямого лоббирования интересов курдов в Багдаде до экономической и военной поддержки. Например, в 2004 году американские инструкторы подготовили 15 тысяч бойцов «Пешмерга» [USAID, 2005, p. 34], а финансовая помощь в размере 1,7 млрд долл. (2003–2005 гг.) способствовала восстановлению инфраструктуры [USAID, 2005, p. 41]. Однако Вашингтон

⁶ Coalition Provisional Authority. The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period (Transitional Administrative Law). Baghdad, 8 March 2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/iraq_tal.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

сознательно ограничивал суверенитет курдского региона, опасаясь распада Ирака и эскалации конфликтов в регионе [Bremer, 2006, p. 54]. Это могло спровоцировать цепную реакцию (суннитско-шиитский конфликт, сепаратизм в других регионах). Проект «управляемой демократии» в Багдаде требовал видимости целостности. Вашингтон опасался потери баз в Турции (Инджирлик) и усиления Ирана, независимый Курдистан мог подорвать стабильность в Иранском Азербайджане. Таким образом, в 2005 г. США запретили курдам проводить референдум о независимости, несмотря на ст. 140 Конституции.

Курды получили максимум автономии в рамках единого Ирака, но не смогли выйти за эти рамки. Они получили де-факто государственность (свои законы, армия, внешняя политика), но без международного признания. Американская опека позволила Курдистану укрепить автономию, но она же заморозила вопрос о независимости на десятилетия.

Рассмотрев влияние США, обратимся к роли других стран коалиции. Несмотря на доминирование Вашингтона в оккупационном режиме, остальные участники коалиции сформировали «мозаику влияния» на курдский вопрос [Müftüler-Baç & Güney, 2017]. Их позиции варьировались от прямой поддержки курдов до сдержанного нейтралитета, что создавало сложный геополитический контекст для институционализации курдской автономии.

Великобритания, занимая позицию сдержанного посредника, проводила автономную политику в рамках общей стратегии коалиции. Британское руководство поддерживало идею федерализации Ирака, одновременно сдерживая радикальные требования курдских лидеров, особенно по вопросу Киркука, где сосредоточено около 40% иракской нефти. Примечательно, что программы обучения британскими инструкторами курдских сил «Пешмерга» осуществлялись с учетом стратегических интересов Турции.

В отличие от сдержанной британской позиции, Польша проявила себя как неформальный адвокат курдских интересов, предоставляя политическое убежище активистам и активно лоббируя их интересы в ЕС. Польская дипломатия сыграла ключевую роль в продвижении идеи культурной автономии курдов, создав важные прецеденты для их международного признания и укрепив легитимность курдского движения на европейской арене.

Именно это направление развивала Италия, которая сосредоточилась на гуманитарном измерении, выделив 120 млн долларов на инфраструктурные проекты и программы межэтнического примирения. Рим оказывал существенную юридическую поддержку курдским переговорщикам, закладывая институциональные основы для устойчивого развития региона. Однако наряду с гуманитарной помощью требовалось и укрепление силовых структур.

Данный вызов приняла на себя Австралия, выступив в качестве технического партнера и подготовив около 5 тысяч сотрудников местных правоохранительных органов. Австралийские специалисты участвовали в антитеррористических операциях, избегая при этом прямого взаимодействия с курдскими формированиями, а также внесли вклад в развитие систем кибербезопасности автономии.

Завершая эту многоуровневую систему поддержки, Япония избрала стратегию культурного инвестирования, построив 35 школ с обучением на курдском языке и учредив специальные грантовые программы для женщин. Эти образовательные инициативы не только способствовали формированию просевропейски ориентированной элиты, но и закладывали основы долгосрочной прозападной ориентации молодого поколения Иракского Курдистана.

Мягкая внешняя поддержка компенсировала жесткую позицию Турции. Но если она и может быть инструментом для укрепления автономии, то её нельзя считать гарантией суверенитета — важно учитывать интересы всех ключевых игроков.

Влияние региональных игроков на курдскую автономию носило амбивалентный характер. Несмотря на неприятие курдского национализма, Турция косвенно способствовала консолидации элит Курдистана. Она провела 5 военных учений у границ (2004–2005), вынудив курдов искать компромисс с Багдадом, что закрепило федеративную модель, а не независимость. Использовала платформу НАТО для ограничения курдских амбиций. Анкара поддерживала туркоманов как альтернативу курдам.

Иран финансировал шиитские партии в Багдаде, тем самым ослабляя позиции курдов в центральном правительстве. Однако иранские курды (например, в Мехабаде, символе курдской независимости) оставались «тихой угрозой», ограничивавшей прямые действия Ирана против Иракского Курдистана.

Анкара фактически установила пределы политических достижений курдов — США поддерживались от поддержки их независимости, опасаясь утраты военных баз на территории Турции. Тем не менее курдским силам удалось использовать данное противоречие для получения от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности. Во-первых, военная автономия: «Пешмерга» стала второй по силе армией Ирака при поддержке коалиции. Во-вторых, экономическая независимость: сделка с Chevron (2004) — первый шаг к нефтяному суверенитету. В-третьих, конституционные завоевания — легализация автономии через компромиссы с Турцией.

Уроки многосторонней оккупации США обеспечили курдам политическую крышу, но их союзники добавили гибкости процессу. Турция доказала, что региональные игроки могут блокировать даже решения сверхдержав. Курдский успех в том, что превратили оккупацию в инструмент государственного строительства, используя противоречия между коалицией и соседями.

Несмотря на значительные политические достижения курдов в 2004–2005 гг., их успехи сопровождались глубокими внутренними противоречиями между двумя ведущими партиями — Демократической партией Курдистана (ДПК) во главе с Масудом Барзани и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) под руководством Джаляля Талабани.

ДПК и ПСК

Если ДПК придерживалась жёсткой линии, настаивая на максимальной автономии и перспективе независимости, то ПСК выступала за компромисс с Багдадом, что нередко ослабляло единую переговорную позицию курдов [Romano, 2006].

Раскол между ДПК и ПСК достиг апогея в 1994–1998 гг., когда противостояние переросло в полномасштабный вооружённый конфликт. Основными причинами стали борьба за контроль над таможенными доходами с турецкой границы (ключевым источником финансирования) и политическое доминирование в регионе. Например, в 1994 году вооружённые столкновения в Сулеймании (оплоте ПСК) и Эрбиле (под контролем ДПК) привели к сотням жертв, а ПСК публично обвинила Барзани в монополизации нефтяных доходов [Gunter, 1999]. Наиболее спорным эпизодом стало обращение ДПК в 1996 году за помощью к Саддаму Хусейну для борьбы с ПСК, что серьёзно подорвало доверие к Барзани среди части курдского населения. Хотя Вашингтонское соглашение 1998 года при посредничестве США формально прекратило войну, взаимные подозрения сохранились и влияли на политическую динамику 2004–2005 гг.

Барзани, опиравшийся на племенную поддержку и «Пешмерга», видел в независимости гарантию выживания своего клана, тогда как Талабани, связанный с интеллигенцией Сулеймании, делал ставку на интеграцию в общиравскую политику.

Помимо противостояния ДПК и ПСК, к 2005 году начал формироваться новый вызов курдской политической системе — движение «Горран». Хотя формально оно возникло в 2009 году, его

идейные корни восходят к середине 2000-х, когда молодые активисты, разочарованные клановой системой власти, стали критиковать ДПК и ПСК за коррупцию и «сговор» с Багдадом в ущерб интересам рядовых курдов [Ahmad, 2013]. «Горран» требовало радикальных реформ, включая прозрачное распределение нефтяных доходов (в 2004 году 80% бюджета Курдистана контролировалось партийными элитами) и децентрализацию власти. Уже в 2005 году их поддержка среди городской молодежи Сулеймании (традиционного оплота ПСК) вынудила Талабани искать компромиссы, что дополнительно ослабило единство курдского лагеря.

Ещё одним фактором дестабилизации Курдистана стали радикальные исламистские группировки, такие как «Ансар аль-Ислам» [Rogg and Rimscha, 2007, pp. 45–67]. В 2003–2005 годах они контролировали приграничные с Ираном районы, включая Халедж, и открыто противостояли светским властям автономии. Их связь с «Аль-Каидой» (что подтверждается докладами ООН и исследованиями по джихадизму) усугубляла угрозу: группировка не только отвергала курдскую автономию как «неисламскую», но и совершала теракты против администрации Барзани. Наиболее резонансным стал взрыв в Эрбиле в 2004 году, в результате которого погибли десятки людей, включая представителей местного правительства [Gunter, 2012]. Хотя «Пешмерга» при поддержке США к 2005 году вытеснила группировки в Ираке, угроза исламизма оставалась инструментом давления на курдские власти — как со стороны Багдада, так и Тегерана.

Внутренние противоречия между ДПК и ПСК напрямую повлияли на переговорный процесс 2004–2005 гг. Во-первых, острая конкуренция за министерские портфели (особенно Министерство финансов и силовые структуры) не только замедляла формирование правительства, но и вынуждала курдских лидеров идти на уступки Багдаду в обмен на лояльность союзников. Например, назначение Хошиара Зибари (ДПК) министром иностранных дел Ирака в 2005 году стало компромиссом, который позволил ПСК сохранить влияние в других ключевых ведомствах. Во-вторых, раскол проявился в вопросе о Киркуке: если ДПК требовала немедленного включения города в состав Курдистана, то ПСК, опасаясь эскалации с Багдадом и Турцией, выступала за постепенное решение. Итоговый компромисс (ст. 140 Конституции) лишь заморозил проблему, создав «мину замедленного действия», которая сработала в 2017 году.

Парадокс конституции — в двусмысленных формулировках (например, о Киркуке), которые создавали правовую неопределённость, которой курды пользовались, но которая позже привела к кризисам (референдум 2017 года и его провал). Курды оказались в ловушке — их безопасность зависела от американских войск, что ограничивало самостоятельность.

Таким образом, внутренние противоречия 2004–2005 гг. — между ДПК и ПСК, светскими и исламистскими силами, старыми элитами и новой оппозицией — создали модель «управляемого раскола». Курдские лидеры добились конституционных уступок, но их зависимость от США и взаимная конкуренция превратили автономию в хрупкий компромисс. Как показывает кризис 2017 года, эта модель не решила ключевых вопросов: контроля над ресурсами, границ автономии и отношений с Багдадом. Парадоксально, но именно успехи курдов в 2005 году заложили основу для будущих кризисов, доказав, что институциональная стабильность невозможна без преодоления внутренней раздробленности.

Примеры с другими автономиями

Сравнительный анализ курдской автономии в Ираке с другими подобными случаями позволяет выявить ключевые факторы успеха и устойчивости самоуправляющихся регионов в условиях внешнего вмешательства. Особенно показательными являются два примера.

Сирийский Курдистан (Рожав) в 2005 году представлял собой контраст с относительно консолидированным Иракским Курдистаном. Если в Ираке к этому времени установилась устойчивая дуополия ДИК–ИСК, то в Рожаве отсутствовал единый центр власти. Политический ландшафт оказался разделен между тремя основными силами: Демократическим союзом, Курдским национальным советом и множеством мелких вооруженных формирований [Allsopp, 2016, pp. 87–112]. Эта институциональная фрагментация, усугубленная внешними вмешательствами (включая турецкие операции «Оливковая ветвь» в 2018 году и «Источник мира» в 2019 году), привела к потере около 30% территории автономии⁷. Важное системное отличие заключалось в социальной базе движений в том, что если иракские курды опирались на традиционные клановые структуры (ванские и барзанские группы), то в Сирии доминировали леворадикальные движения с идеологией демократического конфедерализма. Эта идеологическая ориентация, восходящая к теориям Оджалана, существенно ограничила возможности международной легитимации Рожавы, особенно со стороны западных государств, несмотря на ее ключевую роль в борьбе с ИГИЛ⁸.

Косово представляет собой альтернативный сценарий развития автономии в сравнении с курдскими регионами. Как и курды, косовары воспользовались международной поддержкой (особенно американской после 1999 года) для создания собственных институтов [Weller, 2009, pp. 121–158]. Однако критическими отличиями стали единое руководство (переход от Ибрагима Руговы к Хашиму Тачи без внутренних конфликтов), четко сформулированная стратегия «поэтапной независимости» [Tansy, 2017, p. 74] через миссию ООН (UNMIK, 2001–2008), а также геополитическая ситуация — отсутствие сильных региональных противников, сопоставимых по влиянию с турецкой позицией по курдскому вопросу. Результатом стало признание Косово 97 государствами-членами ООН к 2020 году⁹, тогда как Иракский Курдистан после референдума 2017 года столкнулся с военной операцией федеральных сил (операция «Законопослушность»)¹⁰ и блокированием международных каналов легитимации.

Таким образом, представленные кейсы подтверждают, что устойчивость автономии определяется тремя взаимосвязанными факторами — институциональная сплочённость (наличие единого руководящего центра (Ирак) в противовес фрагментации (Сирия)), геополитическая конъюнктура (баланс поддержки Запада и сопротивления соседей, Косово и Иракский Курдистан), гибкость локальных элит (способность находить компромиссы как с центром, так и с международными акторами).

Показательно, что даже при наличии американской поддержки (общий для всех трёх случаев фактор) результаты кардинально различаются, что подчёркивает значение внутренней консолидации и регионального контекста.

Иракские курды в 2004–2005 гг. занимали промежуточное положение, так как их институты были развиты сильнее, чем в Рожаве, но геополитические ограничения оказались жёстче, чем у Косово. Это объясняет их «гибридный» результат — беспрецедентную автономию без международного признания.

⁷ Human Rights Watch. Our Lives Are Like Death: Syrian Refugee Returns from Lebanon and Jordan. IIRW, 20 Oct. 2020, pp. 37–42. www.hrw.org/report/2020/10/20/our-lives-are-death/syrian-refugee-returns-lebanon-and-jordan (дата обращения: 01.06.2025).

⁸ Террористическая группировка (запрещена в РФ).

⁹ UN General Assembly A/75/480 (2020). Comprehensive report on Kosovo. URL: <https://undocs.org/A/75/480> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁰ Al-Monitor. Baghdad's military operation in Kirkuk: Timeline. 2017. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/10/iraq-kirkuk-ptsd-kurds-military-operation.html> (дата обращения: 06.06.2025).

Закключение

Политические достижения иракских курдов в 2004–2005 годах, несмотря на их кажущуюся прочность, содержали фундаментальные противоречия, которые проявились в последующие годы. Укрепление автономного статуса, закреплённое в конституции 2005 года, не привело к устойчивому урегулированию, а напротив, создало систему «гибридного суверенитета», в которой формальные уступки Багдада сочетались с постоянной угрозой их пересмотра.

Ключевые выводы исследования выявили несколько взаимосвязанных закономерностей. Накопленный с 1991 года опыт самоуправления позволил курдам создать эффективные структуры власти, включая парламент, силы «Пешмерга» и местные администрации, что стало их главным преимуществом в переговорах с Багдадом. Вместе с тем внутренние расколы между ДПК и ПСК существенно ограничили способность курдского руководства консолидированно отстаивать свои интересы на общеиракском уровне.

Не менее значимым фактором стала зависимость курдской автономии от интересов внешних игроков. Если США изначально рассматривали её как инструмент стабилизации Ирака, то Турция и Иран воспринимали курдскую автономию как угрозу региональной безопасности. Ослабление американской поддержки после 2011 года немедленно привело к усилению давления со стороны Багдада, кульминацией чего стал силовой захват Киркука в 2017 году, а также активизация противодействия со стороны соседних государств.

Особую проблему создали двусмысленные формулировки конституции 2005 года, особенно статья 140 о статусе Киркука. Хотя они позволили курдам временно закрепить свои требования, подобные компромиссы превратили иракскую федеративную модель в источник перманентного кризиса. Последующие события — от борьбы с ИГИЛ в 2014 году до провала референдума о независимости в 2017-м — наглядно продемонстрировали, что подобные «замороженные» конфликты рано или поздно требуют политического решения.

Проверка гипотезы подтвердила существование модели «гибридного суверенитета» в Иракском Курдистане. Несмотря на достижение беспрецедентного уровня автономии, её устойчивость столкнулась с комплексом взаимосвязанных вызовов. Прежде всего — стратегическая зависимость от противоречивых интересов внешних акторов (США, Турция, Иран) создала хрупкий баланс внешней поддержки. Одновременно внутривнутриполитическая дезинтеграция, наиболее явно проявляющаяся в конкуренции между ДПК и ПСК, подрывала консолидацию курдских позиций. Не менее критичным фактором стала институциональная неопределённость конституционного статуса, особенно в вопросах контроля над Киркуком и распределения нефтяных доходов.

Данный концептуальный парадокс находит отражение в перманентном статусе Иракского Курдистана как де-факто государственного образования, которое на протяжении 2020-х годов продолжает занимать промежуточное положение между полной независимостью и интеграцией в иракскую федеративную систему.

Курдский случай демонстрирует парадокс «сильной автономии в слабом государстве»: чем успешнее курды укрепляли свои институты в 2004–2005 гг., тем острее становилось их противостояние с Багдадом после ухода США. Это ставит под вопрос саму возможность устойчивого компромисса между центром и автономией в условиях внешнего управления и внутренней раздробленности.

Литература / References

- Ahmad A. *The Gorran Movement: Challenging the Political Status Quo in Iraqi Kurdistan*. Middle East Research Institute (MERI), 2013.
- Ahram A. I. & Williams P. R. *The Kurdish Peshmerga: Between the Guerrilla and the Regular Army*. University of Pennsylvania Press, 2016. 232 p.
- Allsopp Harriet. *The Kurds of Syria: Political parties and identity in the Middle East*. I. B. Tauris, 2016. 274 p.
- Bremer L. Paul. *My Year in Iraq: The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon & Schuster, 2006. 417 p.
- Constitution of the Republic of Iraq. *Official Gazette*, No. 4012, 28 December 2005. Baghdad: Government of Iraq, 2005.
- Gunter M. M. *The Kurdish predicament in Iraq: A political analysis*. St. Martin's Press, 1999. 198 p.
- Gunter M. M. *The Kurds Ascending: The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 216 p.
- Krasner Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 264 p.
- McDowall David. *A Modern History of the Kurds*. 3rd ed. I. B. Tauris, 2004. 515 p.
- Müftülier-Baç Meltem and Aylin Güney. *The European Union and the Kurdish Question*. London: Routledge, 2017. 256 p.
- O'Leary Brendan. *How to Get Out of Iraq with Integrity*. University of Pennsylvania Press, 2009. 216 p.
- O'Leary Brendan. *Iraq's 2005 Elections: The Emerging Kurdish Veto*. *Middle East Policy*. 2009. Vol. 16. No. 3. Pp. 89–105.
- Ricks Thomas E. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq*. New York: Penguin Press, 2006. 482 p.
- Rogg Inga and Robert Rimscha. *The Kurds as Parties to and Victims of Conflicts in Iraq*. *The Kurdish Policy of Turkey, Iran, Iraq, and Syria* / Ed. by Jorgen S. Nielsen et al. Routledge, 2007. P. 45–67.
- Romano David. *The Kurdish nationalist movement: Opportunity, mobilization, and identity*. Cambridge University Press, 2006. 302 p.
- Tansy O. *The Internationalization of Statebuilding: The Case of Kosovo*. Routledge, 2017. 194 p.
- United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). *Iraq: Security Situation in the Kurdistan Region*. Geneva: UNHCR Emergency and Security Service, December 2005. 15 p.
- United Nations Human Rights Council (UNHRC). *Situation of Human Rights in Iraq: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights*. UN Document E/CN.4/2005/4. Geneva: United Nations, 2004.
- United States Agency for International Development (USAID). *Iraq Reconstruction Report: Fiscal Year 2003–2005 Performance Summary*. Washington, DC: USAID/Iraq, 2005. 87 p.
- Weller M. *Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence*. Oxford University Press, 2009. 304 p.
- World Bank. *Iraq Economic Data Sheet: 2003–2004 Indicators (Report No. 32771-IQ)*. Washington, DC: World Bank Group, 2005.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Al-Monitor. Baghdad's military operation in Kirkuk: Timeline. 2017. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/10/iraq-kirkuk-ptsd-kurds-military-operation.html> (дата обращения: 01.06.2025).
- Central Intelligence Agency. Iraq. The World Factbook 2003. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (дата обращения: 01.06.2025).

Coalition Provisional Authority. Order No. 2: Dissolution of Entities [PDF]. 23 May 2003. URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030523_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Coalition Provisional Authority. The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period (Transitional Administrative Law). Baghdad, 8 March 2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/iraq_tal.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

Human Rights Watch. Genocide in Iraq: The Anfal Campaign Against the Kurds. New York: HRW, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/> (дата обращения: 03.06.2025).

Human Rights Watch. Our Lives Are Like Death: Syrian Refugee Returns from Lebanon and Jordan. HRW, 20 Oct. 2020. P. 37–42. URL: www.hrw.org/report/2020/10/20/our-lives-are-death/syrian-refugee-returns-lebanon-and-jordan (дата обращения: 01.06.2025).

Middle East Watch. The Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan: The Destruction of Koreme. New York: Human Rights Watch, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/Koreme.htm> (дата обращения: 01.06.2025).

United Nations Security Council. Resolution 688 (1991). 5 April 1991. S/RES/688. URL: [https://undocs.org/S/RES/688\(1991\)](https://undocs.org/S/RES/688(1991)) (дата обращения: 05.06.2025).

UN General Assembly. Comprehensive report on Kosovo. A/75/480, 2020. URL: <https://undocs.org/A/75/480> (дата обращения: 06.06.2025).